

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91

Воспоминания Хайри Гимади

Алина Т. Галимзянова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань,
Россия, alisabitva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена известному татарскому историку, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику АН СССР по специальности «История Татарии»¹ Хайри Гимади (Гимадутдинов Хайрутдин Гимадиевич). Он работал старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (ИЯЛИ КФАН СССР), а затем и заведующим сектором истории. Научная деятельность Х. Гимади проходила в условиях ужесточения идеологического контроля над деятельностью национальной интеллигенции в контексте известного августовского (1944 г.) Постановления ЦК ВКП (б). Современные исследователи часто ссылаются на его труды, в особенности при описании событий, связанных с упомянутым постановлением. Но специальные работы по изучению биографии Х. Гимади до сих пор отсутствуют. В статье представлены результаты научных поисков, связанных с изучением жизненного пути Хайрутдина Гимадиевича, наиболее ценными из которых явились воспоминания самого ученого, хранящиеся в личном архиве его детей. В них даны сведения о родителях, родной деревне историка; описана сельская жизнь. Большая часть рассказа посвящена периоду голода в Поволжье и беспризорности в 1920-е гг.

Материалы статьи будут полезными для региональных и российских историков, изучающих развитие отечественной науки и советской повседневности.

Ключевые слова: ТАССР, Хайри Гимади, Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), Казанский филиал АН СССР, советская идеология, советская наука, Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»

© Галимзянова А.Т., 2022

¹ Аттестат старшего научного сотрудника № 08619. Москва. 26.02.1951 // Архив Э.Х. Гимади. Новосибирск.

Для цитирования: Галимзянова А.Т. Воспоминания Хайри Гимади // История и архивы. 2022. № 1. С. 74–91. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91

Memories of Khairi Gimadi

Alina T. Galimzyanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia, alisabitva@mail.ru*

Abstract. The article is based on the study of the biography of Khairi Gimadi (Gimadutdinov Khairutdin Gimadievich), the famous Tatar historian, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher of the Academy of Sciences of the USSR in the specialty of “History of Tataria”. He worked as Senior Researcher at The Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (IYALI KFAN USSR), and later as Head of the History Sector. Kh. Gimadi’s scientific activity took place under a tightening ideological control over the activities of the national intelligentsia in the context of the famous August (1944) Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Contemporary researchers often refer to his works, especially when describing the events associated with the mentioned Resolution. But specialized works on the study of the biography of Kh. Gimadi still do not exist. The article presents the results of the scientific research related to the study of the biography of the Tatar historian, the most valuable of which were the memoirs of Kh. Gimadi, stored in the personal archive of his children. The sources contain the information about the parents, the native village of Khairutdin Gimadievich; the rural life is also described. The most part of the story is devoted to the period of famine in the Volga region and to the children homelessness in the 1920s.

The materials of the article will be useful for regional and Russian historians studying the development of Russian science and the Soviet everyday life.

Keywords: Tatar ASSR, Khairi Gimadi, Institute of Language, Literature and History; Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Soviet ideology, Soviet science, Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) “About the state and the measures to improve the mass political and ideological work in the Tatar party organization”

For citation: Galimzyanova, A.T. (2022), “Memories of Khairi Gimadi”, *History and Archives*, no. 1. pp. 74–91, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91

Введение

Хайри Гимади (1.09.1912 – 11.10.1961) был известным татарским историком, научная деятельность которого проходила в условиях ужесточения идеологического контроля за деятельностью национальной интеллигенции. Современные исследователи часто ссылаются на его труды, в особенности при описании событий, связанных с августовским Постановлением (1944 г.) [Галлямова 2019, с. 788, 792; Gallyamova, Kabirova, Khanirova 2021, pp. 195–197]. Но специальных работ по изучению биографии Х. Гимади до сих пор не существует. Краткая информация о нем дана лишь в Татарской энциклопедии, но и она не позволяет проследить основные этапы жизни и деятельности историка².

Поисковая часть работы над исследованием

Для сбора источников мы обратились в региональные архивы. Поскольку Х. Гимади являлся студентом Казанского педагогического института (КГПИ), а затем, будучи уже аспирантом, преподавал в том же вузе, мы предположили, что в архиве КГПИ могли отложиться какие-либо сведения о нем. Однако поиски оказались тщетными.

Работа была продолжена в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (ЦПМН ИЯЛИ), откуда и был почерпнут основной массив информации. Фонд Гимадудинова Хайрутдина Гимадеевича (ф. 54) содержит 670 единиц хранения. Это материалы по научно-служебной и общественной деятельности ученого: протоколы заседаний, служебная и личная переписка, рецензии на труды коллег и отзывы от них. Сведений биографического характера здесь было найдено крайне мало. Согласно описям, личное дело историка хранилось в фонде ИЯЛИ³. После долгих поисков эти документы, считавшиеся некогда утерянными, были нами найдены.

Личное дело Х. Гимади состоит из 110 листов. Документы, собранные в нем, можно разделить на две основные группы: эго-документы (автобиографии, личный листок по учету кадров) и делопроизводственная документация (протоколы заседаний, выписки из приказов, удостоверения о получении высшего обра-

² Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабириянов. Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–И. С. 113.

³ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 16. Л. 16.

зования, справки, характеристики, и т. д.). Крайние даты дела: 23 мая 1946 г. – 20 ноября 1957 г. На основании этих исторических источников можно проследить педагогическую, научную, общественно-политическую деятельность Х. Гимади.

Указанные в личном листке по учету кадров сведения о семейном положении историка послужили основанием для поисков его родственников, которые привели нас к сыну Х. Гимади – Эдуарду Хайрутдиновичу Гимади (4.01.1937 г.р.).

Э.Х. Гимади уехал из Казани в Новосибирск в 1959 г. после окончания физико-математического факультета КГУ. Тогда Сибирское отделение РАН (СО РАН) еще только разворачивало свою деятельность, и Эдуард Хайрутдинович был принят здесь в качестве научного сотрудника и аспиранта. Сегодня он является доктором физико-математических наук, профессором, ведущим научным сотрудником, заведующим лабораторией дискретных экстремальных задач Института математики СО РАН.

Остальные дети Х. Гимади также получили образование в казанских вузах. Интересно отметить, что никто из них не выбрал гуманитарного направления. Старший сын Рудольф (1934 г.р.) окончил химический факультет КГУ, Асия (1942 г.р.) поступила на химфак КГУ, но, не завершив обучения, переехала к брату в Новосибирск; Галия (1954 г.р.)⁴ закончила Химико-технологический институт КХТИ, проработав долгое время в Министерстве экономики, в 1990-е гг. была вынуждена переехать к старшему брату и сестре.

По воспоминаниям Эдуарда Хайрутдиновича, отец никогда не склонял их идти по тому или иному направлению в профессии, но они сами видели, что быть историком тяжело, так как многое запрещалось, о многом приходилось умалчивать. При этом дети не помнят, чтобы родители когда-либо обсуждали работу, по крайней мере в их присутствии.

Жена Х. Гимади – Марьям Абдрахмановна – работала сначала учителем в начальной школе, затем в годы войны была призвана на службу в НКВД для проверки гражданских писем. Дети помнят, как трудно ей давалась новая должность не только физически (приходилось задерживаться до полуночи), но и морально. В 1949 г. она оставила работу и до конца жизни была домохозяйкой. Прожила М.А. Гимади до 1973 г.

Именно ею в 1961 г. были собраны, подшиты белой нитью и пронумерованы воспоминания Х. Гимади, которые ныне хранятся в личном архиве их сына Э.Х. Гимади. Записи этих воспоминаний представлены ниже.

⁴ Интервью с Э.Х. Гимади, сыном Х. Гимади, записано 5.05.2021 г. (архив автора).

Аналитическое описание исторического источника

Первый лист документа заполнен на обрывке тетрадного листа в клеточку. На нем большое расплывчатое пятно, которое привело к потускнению чернил. На оборотной стороне продолжают 10 строк текста. Здесь Х. Гимади очень кратко описывает свое детство, хронологически доводя до 1921 г.

Родился я в 1912 г. в семье крестьянина-бедняка татарина. Семья у нас была бедная, но довольно большая. Она состояла из 8 человек, кроме отца и матери остальные были дети до 15 лет. Вся собственность отца состояла из маленького старого с соломенной крышей домика и одной коровы. Хлеба у нас никогда не хватало, поэтому отец ежегодно уезжал батрачить в Симбирскую губернию. Тяжелый труд и бедность подорвали его крепкий организм, и он в 1920 г. скончался. 6 человек детей остались на попечении матери. Жизнь с каждым днем делалась невыносимой. Наступил голодный год. Мне уже было 8 лет. Я посещал медресе (татарская начальная школа). Учителем у нас был злой и очень тупой мулла Хабир. В медресе «дисциплина» была палочная, но несмотря на это никакого порядка не было. Дети учились неохотой, это и понятно, мулла, кроме религиозной ереси, притом на арабском языке, ничего научного нам дать не мог. Особенно эта арабская «мудрость» трудно доставалась моему соседу, сыну крепкого зажиточного кр-на⁵ Файзрахману. Не было ни одного дня, чтобы мулла не избивал его. По просьбе его родителей я 8-летний ученик ежедневно рано утром приходил к ним, обучал его элементарной грамоте. Мой «ученик», кстати, он был на 4 года старше меня, очень туго поддавался учению. За два года учебы в медресе он так и не выучился ни читать, ни писать. Так остался он неграмотным вплоть до 1928 г.

За «труд» родители Файзрахмана мне давали кусок хлеба и 2–3 картошки. Я был очень доволен этим, ибо наша семья ела хлеб из лебеды и суп из крапивы.

После учебы в медресе и по пятницам (татарское воскресенье) я с сестренкой Халимой шел собирать куски у своих односельчан. Многие односельчане, особенно такие кулаки, как Тухфа, Нажиб и др. прочь гоняли со своих дворов. Но все же находились кр-не, которые иногда давали нам по кусочку хлеба. Так мы жили до 1921 г. Это был год тяжелый и очень суровый для нас⁶.

⁵ Здесь и далее сокращение от слова «крестьянин».

⁶ Гимади Х. Воспоминания. Важнейшие вехи моей жизни. Неопубликованные воспоминания // Архив Э.Х. Гимади. Новосибирск. Л. 1, 1 об.

Со второго листа начинается 12-страничная тетрадь в линейку (далее по тексту идет как «основная тетрадь»). На обложке тетради написано: «Воспоминания. Важнейшие Вехи моей жизни. Х.Г. Гимадиев⁷. г. Казань, ул. Толстого 14. Начато в 1930»⁸. На последней странице этой тетради указано, что она была выпущена на продажу в январе 1936 г. Данные две даты и наличие посторонних, сильно обветшавших тетрадных листов в клеточку (Л. 1, 11) дают нам основание предположить, что Х. Гимади дважды начинал работу по написанию автобиографии.

С первой страницы основной тетради (Л. 3) Х. Гимади заново, но уже более подробно, чем на первом листе документа, описывает свое детство. Повествование начинается с географического и экономического положения деревни, в которой родился будущий историк. Он в негативном ключе рассказывает о зажиточных сельчанах и списком перечисляет их имена; отрицательно отзываясь о системе религиозного образования в татарских деревнях и в целом критично оценивает религиозный уклад жителей. Весьма трагично показаны голодные годы в Поволжье. Воспоминания позволяют проследить положение сельской бедноты в тот период. Но особенно ярко представлена жизнь детей и условия, в которых им приходилось ежедневно выживать.

Отдельные эпизоды из моей жизни

В 50 километрах к югу от г. Казани, недалеко от живописной реки Свияга, у подножия невысокой горы, широко раскинулось татарское селение Молвино. Богато было это селение своими природными богатствами: более 15 км тянулись прекрасные заливные луга; вся восточная и юго-восточная часть села была окружена необходимыми лесными массивами; во всю сторону от деревни простирались молвинские поля, славившиеся своим плодородным черноземом.

И казалось бы, что было все то, что необходимо было для прокормления 500 кр-их дворов, для их зажиточной, но хотя бы сносной жизни. Но дела оборачивались совершенно по-иному. Не только о зажиточной, даже сносной жизни не мечтало тогда 70–80 % кр-их дворов. Более 70 % кр-н этой деревни не выходили из долгов, оставались в нужде. Не хватало у них своего хлеба и должны были скитаться в поисках «хорошей жизни». Почти 80 % домов были покрыты соломой, надворные постройки были построены из навоза. Читян иле (страна плетеной) называли эту деревню. Людей у нас, как правило, называли не по

⁷ В тексте последние две буквы «ев» зачеркнуты.

⁸ Здесь и далее подчеркнуто в документе.

имени, а кличками: черными, собаками, кошками, галками, зайцами и т. п. оскорбительными прозвищами.

90 % жителей этой деревни были неграмотными. Ни одной советской школы, ни одного человека, имеющего среднее образование – таков культурный уровень этой деревни.

Малоземелье, голод и вечная нужда толкали бедноту на заработки.

Из Молвино ежегодно более 100–150 здоровых кр-ян отправлялись на поиски «счастливой жизни». Донбасс, Урал, Сибирь были «излюбленные» места отходников наших кр-ян. Обыкновенно их нанимали в деревне фабричные подрядчики. Условия найма были исключительно тяжелые. По существу, кр-ин попадал в каторжную работу, замученным, ободренным приходил он обратно в деревню.

Почему же деревня, окруженная прекрасными заливными лунами, черноземными полями, лесами зябла в болоте нужды и голода? Почему невежество, голод, малоземелье, «фабричная каторга» были вечными спутниками молвинских крестьян?

На это у нас имеется нужные нам ответы.

Все богатства, окружавшие Молвино, находились в руках мироедов, в руках помещиков, купцов, кулаков и мулл. Они являлись хозяевами, представителями «законного порядка» и «бога на земле». <...>

Вот эти крупнейшие представители татарского феодального и капиталистического класса по существу и держали все богатство этого огромного села. В их вотчинах гнула свою спину и кабалились молвинская беднота.

Это они закабалили высокими процентами и ссудами молвинских кр-н.

Не только они сосали последние соки мужика. Их младшими помощниками в грабеже и эксплуатации являлось местное кулачество и поставщики. «Торговое село» – называли окружающие деревни наше селение. Все спекулянты находятся там – твердили Нурлатовцы, Городищенцы и др. Отчасти это было верно. Базар, магазины, лавчонки находились у нас, в деревне Молвино. Молвинские торговцы проникали даже в соседние Цивильский, Симбирский и другие уезды. Но это утверждение, конечно, не полное, оно, с другой стороны, не точное. Торговали, спекулировали, барышничали, конечно, ростовщики и кулаки. Это они кровопийцы закабалили бедноту и батрачество; это они называли себя «почетными гражданами». Число их превышало 20. Из крупнейших кулаков укажем Нажиб-бая, имевшего лавку и несколько десятков десятин земли, Кара-бая, Тухфу и других. После помещиков по количеству богатства, земли были они.

Не было ни школ, ни учителей, ни врачей. Но зато были 4 мечети, 5 мулл, 6 мадинов и их помощников. Эти муллы были не только представителями духовенства, но они были крупными землевладельцами, торговцами, они держали у себя «просвещение» – Мадресе (Хабиб-

Мулла, Абдулла Мулла и др.). Эти муллы были настоящими пиявками, высасывающими последние соки у крестьянства. Умер человек, тащи мулле последнюю овцу; родится ребенок, дай мулле последнюю телку; наступил праздник, неси мулле последний хлеб, масла, мяса и других продуктов, заболел человек – тут опять за «медицинскую службу» – последние гроши. Вот каков из себя был этот мулла.

Обычно грамоту «знали» только муллы и богатые баи. За каждый пустяк крестьянин должен был обратиться к «грамотею», сдиравшего за маленькие письма, заявления очень большие суммы.

Много причиняло бесчинства так же царские чиновники; земские начальники и волостные старшины. Налогами, ссудами, различными «земскими» платежами окутывали они бедноту, вели его к медленному вымиранию. Вот такова была картина этой «богатой», этой «торговой деревни».

С одной стороны, голодная, забитая в нужде деревенская беднота; с другой – высасывающая последние соки с кр-н баи, кулаки и муллы.

Много случаев знает Молвино непримиримых схваток борьбы между этими двумя частями деревни.

Еще [в] 1881 г. доносил об этой борьбе Каз[анский]⁹ Вице-губ[ернатор] Хитрово М.В.Д. (министру внутренних дел. – А. Г.) гр[ажданину] М.Т. Лорис-Меликову. Вот что писал он тогда: «За происшедшим спором началась общая драка, в которой были употреблены палки, топор и гири». Из зажиточной части кр-ва было убито 2 чел. (Рахматуллин Н., Ахметов Б.) из бедной части Шафиуллин Ш. и несколько раненых.

Самым главным вожаком кулачества яв.[лялся] Бикбов и мулла Гисматулла Хайбуллин. Такие сражения происходили и позднее много-много раз¹⁰.

* * *

Родился я 1-го сентября 1912 г. Деда я своего не помню, он умер еще до моего рождения. Отец мой Гимади родом был среднего. Сам относился к бедняцко-батраческой части деревни. Все богатство было в маленькой избенке, крытой соломой, одна старая корова и несколько кур. Обычно он числился последним человеком в деревне; его даже называли не по имени, а по кличке: кара (что значит черный, простой).

Семья у отца была большая: отец, мать и шестеро детей. Самому старшему в 1918 г. было 13. Своего хлеба у нас никогда не хватало. Потому отец вынужден «подрабатывать».

Отец обычно уезжал в соседние губернии и нанимался батраком у кулаков или помещиков. Родители наши были безграмотны, да вообще в моем родословии трудно было найти одного грамотного человека. Но

⁹ Здесь и далее текст дописан мной. – А. Г.

¹⁰ Здесь и далее разделение текста звездочками выполнено Х. Гимади.

у отца, как и матери, были зарыты прекрасные человеческие качества: любовь к человеку, к жизни и работе. Не помню и случая, чтобы отец бил своих детей, он не ругал зря, не кричал, а пытался улаживать «все конфликты мирно». Несмотря на тяжелую, забитую и страшную жизнь, отец не курил и не пил. Эти качества он передал и нам.

Он, несмотря на свою неграмотность, нужду, старался выучить своих детей, вывести «в порядочные люди», как обычно выражался он. 10 лет отдал в медресе моего старшего брата, 6 лет был отдан и я в медресе Мулла-Хабира. За каждым шагом наблюдал он за нашей учебой. Радовался каждому маленькому успеху, что его сыновья учатся «в ученые» и умеют писать крючковыми арабскими буквами.

Трудна была учеба в медресе Мулла-Хабира. Эта школа набивала религиозный фанатизм в сознании маленьких детей. Кроме арифметики и корана (религиозные учения) не преподавалось ничего. Математика, география, история и другие науки категорически запрещались. Вся учеба проходила на арабском языке, что мы, конечно, ничего и не знали. Мы механически запоминали целые страницы корана и, как¹¹

За каждую «шалость» мулла срочно наказывал. Ударить палкой по голове, дать пощечину и потрепать уши это считалось обычными «святыми» методами наказания. Нередки были случаи, когда Хабир-Мулла оставлял «провинившегося» ученика без обеда, ставил перед группой на колени и выгонял из школы. Особенно часто попадал[о] от муллы моему соседу, сыну зажиточного кр-на Файзрахману. Этот «барский сынок» за два года «учебы», несмотря на мою помощь, выучился лишь произносить слава тебе господи, нет кроме бога силы...

Эти годы «учебы» были годами революции и гражданской войны. Не помню я сейчас в подробности этих событий. Но я помню отчетливо одно: беднота решительно сражалась против баев, против мироедов. 1918 год. Мне 6 лет. Чехословаки (белогвардейцы) стягивают свой фронт к нашей деревне. Красные стоят южнее по направлению Бежбатманы. Свияжск. Ожидается бой. Крестьяне готовят окопы; прячут детей и женщин. Беднота группируется в одной части, баи в другой. Разгромлены усадьбы Шакир-Хаджия, конфискованы богатства крупных хаджиев. Не спят и враги. Они составляют списки принимавших участие в разгроме их усадьбы. Шакир-Хаджи, Абдрахман-бай и др. связываются с чехословацкими офицерами, требуют расстрела 15 крестьянских вожakov (Хабира и др.). Только решительное наступление красных, сбросившие чехов на восток спасла «приговоренных к смерти» и разрушению деревни от артиллерийского боя.

Жизнь нашей семьи и после революции еще оставалась очень тяжелой. Полуголодная жизнь, тяжелая работа очень скоро подорвали здоровье моего отца, и он в 1920 г. скончался.

¹¹ Здесь повествование обрывается.

Шесть маленьких детей остались в попечении нашей матери. Старшему Шарафу было 15 лет, сестре Хадиче 13 лет, мне 8 лет, сестренкам 6, 4, 2 года.

Мать, замученная задавленная нуждою не знала, что делать в суровый и холодный 1921-й год. Не было ни дров, ни хлеба, ни одежды. Печку топили, несмотря на 30-ти градусный мороз через день, через два. В день ели только один раз и то... хлебом¹². Маленькие детишки пухли от рахита, они просили хлеба и тепла. Бедная мать обливаясь слезою старалась сохранить жизнь маленьким детям. В один из декабрьских холодных дней мать, я и старший братишка отправились пешком в лес заготавливать дрова. Морозили пальцы, холод проникал через дряхлые пальтишки, но все же мы несли три маленьких беремья дров.

– натопим печку, поставим чай, нагреемся – успокаивала по дороге нас мать. Вот и опушка леса, а там через полтора километра и деревня.

– стойте, кто разрешил вам воровать лес! Закричал грубым голосом, какой-то русский человек. Это был косяевский лесник. Отобрал он у нас дрова и единственный у нас топор. Голодные дети в холоде умирают, оставь нас в покое – кричала и рыдала мать.

– отдай хотя бы последний и единственный наш топор – повторяла она.

Но все эти просьбы были тщетны. Отняв топор и дрова лесник скрылся. Замученной, полными горя вернулись мы домой. Так и не могли мы больше купить нового топора.

* * *

Дети богачей и кулаков днем учились, а к вечеру, одев теплые шубенки весело катались с горы, играли, веселились, и опять шли домой.

Я же с утра до вечера надев сумку ходил по миру, выпрашивал кусочек хлеба и шел домой обрадовать свою мать.

Скоро наступил голодный 1921 г. Он лишил нас и этой помощи. Вместо кусочка хлеба нас стали гонять впрочь с крестьянских дворов. Богачи-кулачье (Насиб, Тухфи, Манад) богатели на народной нужде, на голоде своих односельчан. Беднота голодала, ела собачье мясо, лебединый хлеб, суп из крапивы и сотнями умирала от голода. В таких условиях жить в деревне – значит умирать от голода. Других выходов не было.

* * *

Был жаркий летний день 1921 г., мать меня и брата отправила в «далекие края» за хлебом.

¹² В тексте стоит многоточие, возможно, автор хотел написать «лебединым».

– Сынок, вернись с хлебом, говорила она, схватив в свои объятия, она долго рыдала и ей жалко было расстаться со своим единственным сыновьями. Тяжело было, рыдал и я.

– Вернемся, мама, вернусь – говорил я. Много-много хлеба привезем – успокаивал я свои маленьких сестренек.

Так отправились мы в «хлебные места», искать счастья и сытую жизнь. Так проходила наша юность детство и наша молодость.

* * *

Железнодорожная станция Свияжск Московской Каз[анской] ж[елезной] д[ороги] находилась от деревни в 18 километрах.

Был жаркий августовский день. Столбовая дорога к станции тянулась через большой дремучий лес и засохшие луга. Словно великое переселение народов происходило в этот кошмарный год. Унылые, печальные, с звериными лицами шли они по обеим сторонам дороги.

Танайцево, Ходяшево, Протоповка уже остались позади. Вот виднеются огоньки станции, слышны гудки паровозов, слышен грохот поездов, которые проходят по железнодорожному мосту через Волгу. Наконец станция Свияжск. Со всех сторон, со всех дорог тянулись угрюмые лица голодных мужчин, женщин и детей. Здесь были русские из деревни Кирилова, Ходяшево и Протоповки; чуваша из деревень Цивильского уезда, татары из Нурлат, Молвино и много других деревень.

Все знали только себя. О других тут забот не было. Все были злы, угрюмы и готовы были, как дикий зверь, броситься друг на друга.

Вокзал представлял кошмарную картину: он был набит людьми. Гудел какой-то страшный и тревожный звон. Женщины о чем-то визжали; охали опухшие дети.

– Мама, хлеба, только маленький кусочек хлеба, – раздавались детские голоса. Но хлеба печальная мать давать не в силах. Опухшие дети, открыв свои маленькие ротки и глазенки, умирали на руках своих матерей.

Целыми днями эти люди ожидали поезда и пароходы.

Десятки тысяч голодных мужчин, женщин и детей с звериной атакой встречали и провожали пассажирские и товарные поезда. Криком, шумом и визгом молниеносно наполнялись до отказа составы вагонов.

На крышах вагонов, в собачьих ящиках, в пыльных каморках, везде, всюду, где только можно было схватиться садились, висели и стояли люди.

* * *

Свияжск находится от Москвы приблизительно в 750 верстах на запад. Товарные поезда шли это расстояние тогда 10–15 дней. Но наш поезд шел еще дальше. Мое положение было тяжелое. По дороге я захворал дифтерией. Брат думал, что я умру. Таких, которые умирали, было тогда очень много. Нередко они умирали на крышах вагонов...

В начале сентября мы были уже в Москве. Первый раз нас забросила «судьба» в этот большой город. Таких детей, как мы тогда стекались в Москву со всех концов Великого государства. Уже тогда чувствовалось, как заботиться о детях советская власть. Органы деткомиссии делали от их зависящее, чтобы устроить всех детей в детские дома или отправить в хлебобродные края. В один из дождливых дней октября 1921 г., когда мы ехали под скамейками трамвайного вагона, и мы с братом были заброшены органами ДК. Очутились мы в одном из огромных распределителей, к сожалению теперь не помню. Одели нас чисто, хорошо кормили. Много было здесь детей. Тут были и русские из Саратова и Самары, и татары из Казанской губернии, и башкиры из Уфы, и чуваша, одним словом представлены не один десятка национальностей.

Не всем нравились здешние порядки. Тянула бродячая жизнь, «воля», к этому стремились довольно большая группа правонарушителей. В числе их оказался и я с братом. Нам удалось уйти из распределителя. Мы взяли направление на север, в сторону Ярославля. Но слезли мы не доехав [до] этого большого города, в неизвестном нам городе Ростове. Случайно в этом городе встретили мы своего родственника, который работал грузчиком на вокзале. Это был сильный, широкоплечий немой татарский кр-н под кличкой «му-му». Муму жил тут же при вокзале, он напоил нас чаем и сказал, чтобы мы поехали за озеро Неро, где имеются богатые деревни и села. Муму не ошибся.

Озеро Неро это украшение древнего города Ростова. Оно тянется километров 20 в длину и около 5 в ширину. В противоположную сторону нужно ехать на пароходе. Но у нас не было ни одной копейки денег. Поэтому и здесь мы оказались безбилетными пассажирами. Пришлось ехать под прилавками каюты 3 класса.

Вот и Угодичи, недалеко видать Борисовка, а там подальше и Поречье. Это довольно богатые села приозерного района Ростовского уезда. Веками кр-не этих мест занимаются огородничеством. Овощи кр-н Приозерной полосы идут не только на товары Ростова, но и Ярославля, Москвы и др. городов. Кр-не этих мест живут относительно зажиточно и не чувствуют нехватка.

* * *

Брату шел 16-й год, меня 9-й. Приютил нас их один из угодических крестьян по имени Рафаил, его мать по имени Надежда. Жили они зажиточно. И к нам относились очень хорошо. Брат работал у них, батрачил. В свободное время мы с ним ходили по миру. В течение 6 месяцев мы собрали мешков 3 хлеба. Скоро собирались вернуться на родину, к матери, к маленьким сестрам. Ведь мать будет очень рада нашим успехам, говорил я брату.

– Да, да, – повторял он за мной. Приедем и заживем месяцев 3, а там опять поедем за хлебом, говорил он.

* * *

Было теплое майское утро 1922 г. Часов четыре утра наш поезд остановился у станции Свияжск. Скоро, через 5 часов мы будем дома, нас будет встречать моя любимая мама, которая уже почти год не видела своего единственного сына, думал я (брат был от первой жены отца).

Мне очень быстрее хотелось дойти до деревни. Вот уже прошли Ходяшево, за ней показалось и Танайцево. Еще 10 верст, а вон там прямо на юге, по ту сторону леса виднеется и наше родное село, Молвино. Солнце светило очень высоко, оно сегодня палило еще ярче, но в тоже время, почему-то казалось мне, что оно светит тускло, смотрит не приветливо, предвещая что-то неприятное, а может быть и печальное. И ветер сегодня было дул почему-то навстречу, и деревья почему-то казалось согнулись, как бы с кем-то прощались и кого-то провожали на вечные времена. Уже совсем близко деревня, вон виднеется и наш маленький старенький, но все же родной и близкий домик.

– Почему же окна забиты, спросил я у брата. Да смотри ты, как заросла на дворе и трава, как будто бы там и не вступала нога человека, еще раз проворчал я.

– Наверное, мать живет с кем-нибудь в чужом доме, ведь холодно было в нашем дырявом домишке, объяснил мне брат.

Навстречу нам вышла соседка. Это была 60 летняя бабушка Ыми-эби.

– Эх, дети, дети, печальную весть я должна вам сказать – сказала она

– Что-что? – прорвался у меня.

– Три месяца тому назад мы похоронили вашу последнюю мать, промолвила она, и громко-громко зарыдала обняв меня.

После этих слов я не помню себя. Очнулся я уже через три часа у родственников, где находились наши сестры – 6 летняя Халима и 2 летняя Зайнаб.

Очнувшись, я еще долго-долго рыдал, не верилось, что умерла мать, которая около года назад проводила нас за хлебом. Не верилось, что умерла женщина, которой было 35 лет, которая была еще бодра, несмотря на тяжелую и трудную жизнь была бодра и жизнерадостна. Как сейчас помню эту скромную женщину, она была стройна, среднего роста. Она никогда не била своих детей, она стремилась приучить их к труду и уважению взрослым. Всегда будет жить в моей памяти благородное лицо этой трудолюбивой, простой, ясной татарской женщины – матери, смерть которой мы сыновья не застали дома.

Особенно жаль была мне моя 2-х летняя сестренка Зайнаб. Взяв ее в свои маленькие руки прижав ее к груди я не мог удержать свои слезы, рыдал. За мной плакали мои остальные братья и сестры, мои родственники. Меня было трудно все это переживать, я сделался еще серьезнее и рассуждал я, как говорят, как взрослый юноша.

– Что будем делать с Зайнаб – спрашивал я у брата.

– Отвезем ее в Казань, отдадим в детские ясли – ответил он.

И действительно в один из летних дней брат посадил ее в маленькую тележку и повез ее в Казань. Трудно было расстаться с малюткой. Я и моя сестренка Халима не могли успокоиться в течении целого дня.

В Казани брат, как он рассказывал, отнес Зайнаб в детскую приемную на Сенную улицу. Купил булочку и отдал ей. И так осталась она, держа на руке булочку. С тех пор я не знаю теперь, где находится моя родная сестра.

Примерно 1936–1938 г. был ряд попыток найти ее, но все поиски не увенчались с успехом. Был я в Горсовете, в доме Матмладо, просмотрели все карточки детей за 1922 г., которые были приняты в Д/д (детские дома. – А. Г.), но имя Зайнап к сожалению, не обнаружили.

* * *

Остаться в деревне нам нельзя было. Втроем я, брат, Халима снова отправились мы в далекий путь, за хлебом, за хорошей жизнью. На этот раз мы выбрали другой путь, а именно водный. В жаркий августовский день 1922 г. мы через села Косяково, Ширданы, Тюрлемы пошли пешком на Волжскую пристань Козловку. Шли мы долго. К вечеру уже были на пристани. Первый раз передо мной раскинулась широкая Волга-река, и пароходы поражали меня своей красотой и величием¹³.

Внутри 12-страничной тетради воспоминаний был вшит тетрадный лист в клеточку (Л. 11), о котором уже шла речь. Согласно хронологии изложения л. 11 должен идти после л. 12, т. е. нумерация, данная М.А. Гимади, немного спутана. На л. 11 Х. Гимади описывает 1922 г., когда он был направлен в ростовский Детский дом № 1. Историк рассказывает о произволе здешних подростков, о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться, будучи ребенком, не владеющим русским языком. Хайри Гимадиевич пишет: «Эта жизнь меня очень мучила, я тяготел на улицу, и неоднократно собирался бежать»¹⁴. Иначе он отзывался об этих годах в основной тетради: «Это были лучшие годы моего детства. Самые лучшие воспоминания остались у меня относительно этого дома. Это был чудный уголок»¹⁵.

Возможно, что первые воспоминания, начатые в 1930 г., по содержанию были более радикальными с точки зрения советской цензуры, поэтому историк не сохранил их и переписал заново. Понимая, что записи могут стать достоянием общественности, а негативные характеристики относительно советского режима могут плохо отразиться на будущем его семьи, Х. Гимади пытался

¹³ Гимади Х. Воспоминания... Л. 3–12.

¹⁴ Там же. Л. 11 об.

¹⁵ Там же. Л. 12 об.

завуалировать отрицательные эпизоды своей жизни и придерживался допустимого стиля изложения. Так, описывая все в мрачных тонах, Х. Гимади указывал, что причинами такой жизни являлись пережитки имперской России с ее классовой системой и религиозными обрядами, к которым затем присоединилась борьба белогвардейцев с коммунистическими порядками. А говоря о городской среде, куда он был вынужден попасть вследствие массового голода в Поволжье, он отмечал заботу советской власти, которая делала все от нее зависящее для ликвидации детской беспризорности.

В начале ноября 1922 г. собрали всех детей распределителя и стали распределять по детским домам.

– Можно ехать в Ростов-Великий, в Углич, Рыбинск, – сказал заведующий.

– Поеду в Ростов – сказал я.

– Фамилия твоя – спросил меня перед отъездом.

Гимадутдин-оглы¹⁶ сказал я.

– Как, как? – раза три переспросили меня. Очевидно, татарскую фамилию лицо составляющий список слышал впервые.

«Ильмутдин» значит твоя фамилия подтвердил он. И так он записал меня. После этого я так и ходил с извращенной фамилией. Когда я приехал в Ростов, то мою фамилию переделали на «Альмантин», а короче, ласкательно называли просто Альмант, или Ильмант. Только в 1926 г., когда приехал в Татарию я стал называться своей собственной фамилией.

Итак, я с конца октября 1922 г. стал воспитанником детского дома. Жил я в огромном здании, ворота его всегда были закрыты. Здание было окружено высокой стеной. Здесь до революции помещался кадетский корпус. Всего в детском распределителе насчитывалось около 2000 детей. Здесь были представлены русские, татары, чувашы, марийцы, немцы, украинцы, башкиры, удмурты, мордва и другие. Возраст детей был различным. Самым младшим было 6–8 лет, а старшим 15–17 лет. Поэтому понятно нашего брата старшие дети, а они большей части были правонарушители, очень обижали, избивали и нередко отнимали паек. Особенно доставалось тем, кто не знал русского языка. К числу их относился и я. Эта жизнь мне очень мучила, я тяготел на улицу, и неоднократно собирался бежать. Но бежать было трудно. Был уже осень. Начинались заморозки, дул суровый ветер. Одеты мы были очень легко в майках и трусиках. Я очень часто выходил на двор и часами простаивал у ворот. Смотрел я на церковные главы, на разрушен-

¹⁶ Сын Гимадутдина. Отсюда Гимадутдинов (примечание Х. Гимади. – А. Г.)

ные здания. Я никак не мог понять тогда почему же город разрушен, почему даже кресты на церквах раскривились, почему у многих фабрик трубы совсем свалились. Только через несколько годов мне стало понятно, что здесь творили свои гнусные дела левые эсеры, которые в 1918 г. подняли мятеж против нашей советской Родины. Они исковеркали этот замечательный Волжский город, они убили пламенного мужеств[енного] г-на Левенсона¹⁷, расстреляли сотни рабочих и их семей. Но твердая рука советов отомстила им за эти преступления. Эсеров-бандиты были разбиты и уничтожены.

[Л. 12 об.¹⁸] Ростов Великий. В город приехали мы в конце октября 1921 г. было темно и очень грязно. Скоро нас подвезли к замечательному зданию вблизи оз. Неро. Это был дом особняк местного русского фабриканта Селиванова (Окружная, ныне Свердловская улица). Всех начисто вымыли в бане. Одели в хорошую одежду. Устроили по светлым и ярким комнатам. Теперь я воспитывался в детском доме № 1, Ростова. Прожил я здесь до 1926 г. Это были лучшие годы моего детства. Самые лучшие воспоминания остались у меня относительно этого дома. Это был чудный уголок. Дворец – лучшее здание в городе. Внутри сад. Напротив – городской парк. К западу от дома оз. Неро с его живописными берегами. Недалеко Цикорная фабрика. Все это очень привлекало детский пытливый взор. Правда, в первые годы состав воспитателей был не наш, не советский. Заведовал д[етским] домом Надежда Рафаэловна – дочь попа и сама религиозная женщина. Эта была типичная <...>¹⁹, сухая, грубая и всеми ненавидимая, наподобии монашки, старая дева. Сейчас помню, как нас каждое воскресенье водили в церковь, хотя в 1922–3, это и запрещалось. Скоро это стало известно общественности. В местной газете появилась статья, которая бичевала систему воспитания в детском доме. В 1923 г. Н.Р. была снята и заменена членом партии Марией Федоровной Чернобуровой.

Какая чудная была эта женщина! Всю свою материнскую (а она была матерью и имела сына Колю), душу отдавала она на воспитание разнородным по своему составу коллективу детей. Она прививала в детях любовь к труду (и мы стали страстными огородниками, портными, сапожниками, столярами), любовь и уважение к народному добру, к людям, к старшим. Как родная мать она радовалась, когда мы делали успехи в учебе. Все мы были устроены в I Обр[азовательную] школу города. Нам нацменским²⁰ детям вначале было очень трудно

¹⁷ Скорее всего речь идет об Иосифе Зунделевиче Левенсоне (1890–1918).

¹⁸ Записи на л. 12 об. и л. 13 сделаны другими чернилами, почерк автора отличается от предыдущих записей.

¹⁹ Неразборчиво.

²⁰ Национальные меньшинства.

учиться. Но уже в следующем году не чувствовалось наше отставание. Мария Федоровна была нежна по отношению тех, кто вел себя хорошо, прилежно учился, трудился. Но она была требовательна ко всем, особенно озорникам. А их здесь было порядочно. Несмотря на то, что нас хорошо кормили, одевали, заботились о нас, многие еще чувствовали себя, как звереныши, которые смотрят в лес, куда-то в глушь. Не плохи были, например, такие ребята, как братья Зайцевы, Тушканчик (так прозывался башкиренок) и др. Но для них «вольная» уличная жизнь казалась лучше. Летом 1924 г. группа воспитанников во главе бр[атьев] Зайцевых составили план бегства из д/дома. Однажды ночью эта группа, собрав необходимые вещи приготовилась бежать. Была лунная и тихая ночь²¹.

Воспоминания Х. Гимади доведены до 1924 г. Повествование на последнем листе тетради несвязно обрывается (Л.13), при этом обратная сторона этого же листа пуста (Л. 13 об.). Скорее всего, историк осознанно не стал затрагивать сталинский период своей жизни, чтобы избежать лишних нападок.

Последние два листа документа, относящиеся к основной тетради не пронумерованы М.А. Гимади (Л. 18, 19). На л. 18 черными чернилами и мелким почерком написано краткое послесловие. Важно отметить, что в послесловии позднее сделана приписка, что события, описанные в этой тетради, относятся к дореволюционному периоду и голодным годам в Поволжье: «Данные воспоминания дают описания о татарской деревни, о положении бедноты и байских элементов, о жизни татарской молодежи, их жизни и учебы, о их страданий и²² о их росте»²³. Затем синими чернилами стоит размашистая подпись Х. Гимади и надпись: «Казань АТССР». Внизу этой же страницы Марьям Абдрахмановной указано: «Всего: 19 листов исписанных»²⁴. Далее идет ее подпись и дата: «октябрь 1961 год». На последнем листе тетради (Л. 19) есть небольшая запись в половину строчки, тщательно зачеркнутая, далее в столбик идут подписи Х. Гимади (всего их 7).

Заключение

В целом можно сделать вывод, что обнаруженные воспоминания Х. Гимади представляют большую историческую ценность, которая заключается главным образом в том, что социально-экономичес-

²¹ Гимади Х. Воспоминания... Л. 11–13.

²² Здесь сверху подписано другими чернилами: «до рев. в гол. годы»

²³ Гимади Х. Воспоминания... Л. 18.

²⁴ Там же.

кие явления советского прошлого отражены и описаны человеком, являвшимся представителем национальной научной интеллигенции, приученным взвешивать каждое слово, относившееся к истории родного края.

Литература

- Галлямова 2019 – Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797 [Электронный ресурс]. URL: <http://goldhorde.ru/RU/stati2019-4-11/> (дата обращения 19.05.2021).
- Gallyamova, Kabirova, Khanipova 2021 – Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The decree of the central committee of the All-Union Communist party of bolsheviks in August 1944 and the Tatar intelligentsia // Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review]. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 185–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199 [Электронный ресурс]. URL: <http://goldhorde.ru/en/stati2020-1-10/> (дата обращения 19.05.2021).

References

- Galljamova, A.G. (2019), “ ‘Reprisal’ over the Golden Horde” in the middle of the 20th century. Ideological discourse in Tatar medieval studies in the light of the August Decree of 1944”, *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 7, no. 4, pp. 784–797, DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797.
- Gallyamova, A.G., Kabirova, A.Sh. and Khanipova, I.I. (2021), “The decree of the Central Committee of the All-Union Communist party of bolsheviks in August 1944 and the Tatar intelligentsia”, *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 8, no. 1, pp. 185–199, DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199.

Информация об авторе

Алина Т. Галимзянова, кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 420111, Казань, ул. Батурина, д. 7А, Российская Федерация); ORCID ID: 0000-0003-1988-9522 alisabitva@mail.ru

Information about the author

Alina T. Galimzyanova, Cand. of Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; bld. 7A, Baturin St., Kazan, Russia, 420111; ORCID ID: 0000-0003-1988-9522 alisabitva@mail.ru